



МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»



Листая старую тетрадь

**К 110-летию со дня рождения Веры Пановой
к 100-летию со дня рождения Бориса Изюмского
к 90-летию со дня рождения Даниила Долинского**

РОСТОВ - НА - ДОНУ

2015

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**РЕДАКТОР ПО БРАЙЛЮ
В. И. МАРТЫНОВ**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
И. А. ГРИЩУК**

**БРАЙЛЕВСКИХ ЛИСТОВ:
УЧЁТНО-ИЗДАТЕЛЬСКИХ ЛИСТОВ:**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В ГБУК РО
«РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

Книга «Листая старую тетрадь» рассказывает о жизни и деятельности донских писателей – Веры Фёдоровны Пановой, Даниила Марковича Долинского и Бориса Васильевича Изюмского.

СОДЕРЖАНИЕ:

Вот это сила!.....

Три Сталинских.....

Недогибы и перегибы истории.....

Вьюг смертельных одурь.....

Встречающиеся в тексте понятия и термины поясняются в словаре в конце книги.

СОЛДАТСКОЕ БРАТСТВО

*- По самолётам! - Едва рассвело,
Но, повинуясь приказу,
Шестеро Илов в небо ушло,
...Один не вернулся на базу.*

*Один – это я. Это мой самолёт.
И мне не уйти в полёт.*

*Лежу на ничейном клочке земли –
Голая полоса:
Справа – чужие, слева – свои,
Ветер несёт голоса.*

*Сам я не в силах себе помочь:
Ударило так в небесах,
Что не рассвет, а чёрная ночь
Хлынула мне в глаза.*

*Очнулся, увидел,
ползут с двух сторон:
Справа – со склона,
слева – на склон;
До самолёта
спешат доползти:
Справа – убить,
слева – спасти...*

*До боли в руке пистолет зажат...
И вдруг предо мною – солдат.
Крикнул: «Живой?
Потерпи, браток...»
И – в траву головой...*

*Мне кровных друзей боевых не счесть,
Мне дружбы не занимать –
Спасать меня отправилось шесть,
В окопы вернулось пять.*

Даниил Долинский

ВОТ ЭТО СИЛА!

Как-то Герман Степанович Титов, «космонавт номер два», написал своему другу известные слова: *«Если будет у вас демонстрироваться фильм «Честь товарища», посмотри обязательно. Вот это сила! Жизнь, товарищество показаны исключительно здорово!»*

Фильм «Честь товарища» снят по роману «Алые погоны».

А автор романа отмечал: *«Когда в апреле 1950 года в Москве меня принимала в СП СССР комиссия (в ней было не более 15 человек, и голосование шло открыто), то председатель этой комиссии Леонид Сергеевич Соболев сказал об «Алых погонах»: «Эта книга написана не по творческой командировке, а родилась жизнью».*

Тогда ещё всё напоминало о войне.

Офицеры и солдаты Советской Армии оставались подлинными живыми героями книг, рассказов, очерков. И авторами таких книг становились нередко сами участники Великой Отечественной.

Вот один из таких авторов. Учитель, историк по образованию, бывший командир роты, демобилизованный офицер Борис Васильевич Изюмский.

*Мне кровных друзей боевых не счесть,
Мне дружбы не занимать,*

– это и про «Алые погоны» тоже.

Творческая честность – нелёгкий груз. Поэт Даниил Маркович Долинский выдержал.

Мальчишка из небольшого украинского городка, он, как и положено было тогда, семнадцатилетним ушел на фронт.

И своё двадцатилетие в 45-м справлял уже взрослый мужчина, прокалённый голодом, холодом и – самым трудным на войне – постоянным ожиданием смерти.

Что бы ни говорили – именно это делает мальчишек мужчинами.

И тема войны в творчестве Долинского – она навсегда.

Собрат по перу и по фронту поэт Владимир Семёнович Жуков отозвался так: *«Даниил Долинский не сочиняет, он описывает то, что пережил сам, повидал, что ударило его по душе. В его стихах нет выдуманного лирического героя, как бы искусственно выведенного в колбе».*

*О, генеральская тетрадь,
забытой правды возрожденье!
Как тяжело тебя читать...*

– это написано много позднее. И поэт совсем другого поколения – Игорь Владимирович Тальков.

Действительно, наша жизнь – игра: Изюмский и Долинский вырвутся из ада Великой Отечественной, а Тальков погибнет в мирные дни.

Борис Васильевич Изюмский старше Даниила Марковича Долинского на десять лет всего – как братья. У обоих – полунищее сиротское детство, оба в войну были стрелками.

Генералами – не были.

Но у каждого, возможно, была какая-нибудь личная тетрадь, куда записывали они свои мысли, суждения, впечатления, недоумения, согласия и несогласия.

А через время – сами листали. И вставало на страницах этих старых тетрадок громадьё великих планов страны победившего социализма.

И каторжный труд по претворению этих планов в жизнь.

Современному читателю она знакома как персонаж и учитель Сергея Донатовича Довлатова. Её собственные книги сегодня не читают.

А полвека назад эта женщина – живой классик советской литературы. Писательница, чьи произведения были любимы и интеллектуальной элитой, и массовым читателем.

Она получала тысячи писем, а на её книги в библиотеках выстраивалась очередь.

Вера Фёдоровна Панова.

Она старше. Долинскому – по возрасту в матери годится. Больше видела, и больше перенесла. А вот богатства большого в детстве тоже не видела. И образования литературного не получила.

Конечно, писателем (либо писательницей) надо родиться. Но это не значит, что каждый человек, родившийся с задатками литературного таланта, становится известным автором.

Чтобы одарённый от природы человек мог войти в литературу, необходимы культура души, неиссякаемое трудолюбие, всеохватывающая преданность своему призванию.

И огромный жизненный опыт!

Вот опыт Пановой и помогал. Она тоже писала о войне. О малоизвестных эпизодах войны.

Повесть «Спутники» – замечательный рассказ о людях, сумевших сохранить островок гуманности и милосердия в то тяжкое время.

*Мне кровных друзей боевых не счесть,
Мне дружбы не занимать,*

– это и про «Спутники» тоже.

*

ТРИ СТАЛИНСКИХ

Весна 54-го.

Писательница подходит к пустому такси, водитель уткнулся в книжку. Поднимает голову – и узнаёт пассажирку:

- *Ой, Вы за эту книгу Сталинскую премию получили?*

- *Нет, за другую.*

- *А я бы вам обязательно за эту премию бы дал!*

- *Почему?*

- *А по двум причинам: во-первых, правду пишете. Вот начальник такой, как есть начальник. А женщина такая, как есть женщина. А во-вторых, потому что интересно. Читается легко.*

Вот эти две вещи – правдоподобие и интересный сюжет – и были основными причинами невероятного успеха.

Сама она о себе писала так: *«Где-то оставила детей, живу птичьей жизнью, ни кола, ни двора...»*

И в это время чёрт знает на каких основаниях мечтаю стать писательницей и по целым дням что-то пишу на столе против пушкинского портрета...»

Вера Фёдоровна Панова.

Родилась Вера 20 марта 1905 года в Ростове-на-Дону. Обедневший купец Фёдор Иванович Панов служил в банке. В 910-м случилось несчастье – утонул.

Теперь уже замаячила нищета. Мать – музыкантша пошла на службу конторщицей, а дочери своё образование пришлось ограничить четырьмя классами частной гимназии.

Но Верочка уже в и юном возрасте была особой целеустремлённой. Можно учиться и дома – самой! Благо, книг хватало.

Картинки бедности перемежались с картинками нарядной жизни купеческого города. Вера застала ещё – пусть на исходе – ту, старую Россию.

События 17-го перевернули весь уклад. Ростову досталось тогда хлебнуть по полной.

А в начале 20-го под ударами Первой Конной он окончательно стал советским.

Семнадцатилетнюю Веру Панову берут на работу в редакцию ростовской газеты «Трудовой Дон» – видимо, годы самообразования оказались успешными. Журналистика на долгие годы становится её основной и любимой профессией.

Об этом времени Вера Фёдоровна расскажет потом в своём, во многом автобиографическом, «Сентиментальном романе».

Потом будут газеты «Молодёжь Дона» и «Советский Юг». Под псевдонимами «В. Старосельская» и «Вера Вельтман» из номера в номер появлялись короткие фельетоны – про бюрократов, самодуров, подхалимов.

Уже тогда газетчики отмечали умение своей молодой коллеги находить очень точные штрихи для словесных карикатур.

А молодая коллега старалась успеть везде – и в детской ростовской периодике тоже. Газета «Ленинские внучата» и журналы «Костёр» и «Горн». Именно тогда, общаясь с ребятнёй, и начала она задумываться о своём будущем как профессионального литератора.

Вера знакомится с Владимиром Михайловичем Киршоном, Николаем Фёдоровичем Погодиным, Георгием Петровичем Штормом. Не пропускает творческие встречи с приезжавшими в Ростов Владимиром Маяковским и Сергеем Есениным.

Впечатления от этой, как она её называла, «долитературной» поры Панова тоже отразила в ряде произведений.

20-годы были очень впечатляющими! Бурными, интересными!

Вера успела замужем побывать – за журналистом Арсением Владимировичем Старосельским, Наташу родить.

Успела – и развестись и снова браком сочетаться. Борис Васильевич Вахтин. Тоже журналист.

Старосельского – со временем, в 52-м, за пропущенную в газетной статье о Сталине опечатку уволят с «волчьим билетом», и фронтовик через год безработным умрёт.

А Вахтина – расстреляют в 38-м как троцкиста.

Единственную встречу с ним в северном городке Кемь, разрешённую властями ГУЛАГа в 1936 году, Панова с пронзительной болью опишет в очерке «Свидание».

Неудивительно потому, что старший сын, китаевед Борис стал диссидентом. И пережил мать ненадолго. Младший Юрий – ушёл с головой в науку генетику, ныне – академик.

После ареста мужа Панова вместе с детьми и матерью бежит из Ростова – как можно дальше, на Полтавщину.

Обосновались в селе Шишаки.

Вот в этом, Богом забытом уголке, к Вере Фёдоровне приходит первый успех. Пьесы «Илья Косогор» и «В старой Москве» получают признание на республиканском и всесоюзном конкурсах драматургов.

Но эйфория закончилась, не успев начаться – наступил июнь 41-го.

Вера Фёдоровна с Наташей были тогда в городе Пушкине. Как ютились осенью в разоренной синагоге, опишет потом Панова в пьесе «Метелица».

Наступавшие немцы всех погнали в Эстонию, однако удалось бежать. И, как говорится – чудом – по захваченной врагом территории, вернуться зимой в Шишаки.

А потом отступавшие немцы сожгут их дом. Вера, две бабушки и трое детей окажутся на улице.

Но уж такая была она – Вера Панова.

Сумела проявить недюжинную силу характера и мужество. И личные потрясения пережила, и тяжкий путь скитаний в оккупации. И сумела спасти себя и свою семью и от гибели, и от угона в Германию.

Есть женщины в русских селеньях...

Снова пришлось переехать, и снова подальше от столицы – в уральский Молотов (ныне – Пермь). Писательница работает на радио, устраивается в редакцию газеты.

И газета тут же командирует новую сотрудницу на фронт!

Зимой 44-го Панова совершает четыре рейса в «образцовом военно-санитарном поезде № 312».

И вскоре в литературной жизни страны случилась настоящая сенсация! Повесть «Спутники» – никому до того почти не известной журналистки – читал весь Советский Союз.

Одна из негромких, не особенно освещаемых сторон военной жизни – показана с гуманной, сострадательной точки зрения, а повседневная жизнь санитарного поезда описана с безупречной точностью.

Это был невероятный успех, сопоставимый только с оглушительным успехом вышедшей в том же году повести Виктора Платоновича Некрасова «В окопах Сталинграда».

Оценил и главный читатель страны – Иосиф Виссарионович Сталин. И удостоил премии своего имени.

«Спутники» называют одной из лучших в отечественной литературе книг о войне.

В 1965 году режиссёр Искандер Абдурахманович Хамраев снял одноимённый фильм, а через десять лет – на суд телезрителей (под названием «На всю оставшуюся жизнь») вынес свою версию Пётр Наумович Фоменко.

А появились «Спутники» на свет в обычной советской коммуналке. Правда, из двух комнат, смежных.

А Вера к тому времени снова обзавелась семьёй.

Избранником стал писатель (тоже диссидент) Давид Яковлевич Дар.

Вот и жили они: мама Верина, Вера, Давид, трое детей Веры и двое детей Давида.

Стол был один, за ним готовили, обедали, делали уроки. Вере там места уже не оставалось, и «Спутники» писались на подоконнике.

В старых домах были такие широкие подоконники, можно было разложить материалы. И поставить чернильницу. Главное, чтобы кто-нибудь из пятерых наследников её не опрокинул!

Панова рассказывала позднее, что от таких условий очень болели колени – постоянно упирались в стенку. Приходилось творческий процесс прерывать и прогуливаться.

Но писать она не переставала. В Молотове завершены «Спутники», роман «Евдокия», пьеса «Метелица».

И завершён, наконец, период коммуналки: Панова переезжает в Ленинград, её принимают в Союз писателей.

Наконец, собственный письменный стол! В собственной квартире! Знаменитый писательский дом архитектора Адамини, куда допускалась только орденосная элита.

В просторной квартире в комфорте размещается вся большая семья.

Казалось бы, наступает абсолютно счастливая жизнь.

Но Ленинградский союз писателей – организация очень закрытая, принимали лишь идеологически проверенных людей.

А конец 40-х для северной столицы – время трагическое. Только что прозвучало постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград». Ахматова и Зощенко – изгои. Николай Пунин и Лев Гумилёв – в застенке.

А Вера Фёдоровна Панова была дочерью купца, женой расстрелянного врага народа и в войну находилась на оккупированной территории.

А нынешний муж-еврей отличался ненужным острословием.

Сергей Довлатов рассказывал: *«Как-то в день рождения к Пановой пришли гости, известные советские писатели, начальство. Панова говорит: «Что-то у нас душно». А Дар отвечает: «Да такой обычный советский воздух».*

Понятно, что критика воспринимала Панову осторожно. Она всегда была в зоне риска, потому что позволяла себе чуточку больше, чем было разрешено советскому писателю в то время.

Конечно, о цензуре – как и всякий литератор – она не забывала. Ведь критическая статья могла грозить если не арестом, то почти пожизненной опалой. А лишение права печататься для писателя означало отсутствие средств к существованию

Но это очень раздражало! *«Если бы я писала так, как им нужно, всем бы было хорошо: и Союзу писателей, и райкому партии, и мне».*

Иногда и приходилось – чтобы всем было хорошо.

В 1958 году советская общественность осуждала совершившего грубую идеологическую ошибку Бориса Пастернака – он отдал свой роман «Доктор Живаго» для публикации на запад. И получил за это Нобелевскую премию.

Травля Пастернака – единственная разгромная компания, в которой участвовала писательница Панова.

Она просто очень испугалась. За судьбу своих близких. Страх в людях того поколения укоренился очень глубоко – слишком многое пришлось пережить.

Правда, она этого себе никогда не простила и всегда оставалась беспартийной и демонстративно держалась в стороне от власти и всякой политики.

А вот дружить – умела со всеми. В её квартире встречались писатели самых разных школ и самых разных направлений.

Сюда, в дом Адамини, в гости приходил даже Всеволод Анисимович Кочетов, автор разгромных статей, в том числе и о творчестве самой хозяйки.

Но Панова с милой улыбкой умудрялась быть объединяющим и умиротворяющим литературным центром.

И всё же: выходит новая повесть – несколько дней, а то и недель, молчание.

Ждали, пока «Правда» либо «Известия» не выступят с положительным или отрицательным отзывом.

Тогда вся критика подхватывала (соответственно) положительное или отрицательное мнение.

Кочетов упрекнул по поводу романа «Кружилиха»: почему это директор завода – такой честный коммунист – и так плохо относится к своей жене? Но Панова не отреагировала.

За печатной дискуссией, как положено, следовали публичные обсуждения, где специальные «люди из публики» возмущённо вопрошали: «Доколе будут терпеть очернительство этой Пановой?», «Почему на свободе Панова, оклеветавшая народ и партию?»

А героями очернительницы Пановой были простые советские люди. Они – вне политики, вне грандиозных задач, которые ставит перед гражданами страна.

Они не граждане, а люди. Влюбляются, воспитывают детей, беспокоятся о судьбе близких. Дом для них важнее работы.

Официально узаконенный соцреализм таких героев не знал, партийная критика чувствовала – что-то в этой прозе не то, но и придраться, по большому счёту, было не к чему.

Но, видимо, и «Кружилиха» пришлось по душе главному читателю. В 1948 году Вера Панова получила вторую Сталинскую премию.

Вот после смерти Иосифа Виссарионовича – ситуация станет куда хуже.

«Кружилиха» дала зелёную улицу новому течению в советской литературе – «производственный» роман.

Сочинения Галины Евгеньевны Николаевой, Владимира Фёдоровича Тендрякова, Фёдора Александровича Абрамова, Петра Лукича Проскурина будут позднее.

В 49-м Вера Панова публикует повесть «Ясный берег», своеобразная сельская идиллия. Произведение довольно слабое, но – третья Сталинская премия.

Ради достоверности изображения писательница даже пожила в одном из животноводческих совхозов. Но модная тогда «теория бесконфликтности» сильно сказалась на качестве.

Попыткой преодоления этой «гладкописи» стал роман «Времена года», в котором подняты проблемы общественной морали и взаимопонимания поколений. И процесс перерождения коррумпированной советской номенклатуры.

Комментарии Кочетова были просто уничтожающими. Неизвестно, чем бы всё окончилось, но подходило время «оттепели».

После «Времен года» Панова выпускает «Сентиментальный роман» – повествование о собственной юности, о Ростове и молодёжных проблемах того времени, о бескорыстии и гражданском темпераменте её поколения.

Это зарождающееся в конце 50-х направление так называемой «лирической прозы»: драматизм обусловлен не внешней интригой, а внутренней жизнью героев.

Психологической тонкостью отмечены и произведения, главными героями которых становятся дети. Писательница сумела понять и художественно отобразить изгибы детской души и сложные взаимоотношения с миром взрослых.

1955 год. Повесть «Серёжа». Оглушительный успех!

Через пять лет Георгий Николаевич Данелия и Игорь Васильевич Таланкин снимут одноимённый фильм и получат Большой приз на XII Международном кинофестивале в Карловых Варах.

«Дело не только в том, что впервые в истории русской литературы центральным героем поставлен шестилетний ребёнок, но и в том, что сама эта повесть классически стройна, гармонична... дивная соразмерность частей, подчинённость всех образов и красок единому целому, та самая, что чарует нас в пушкинской и чеховской прозе...», - так отозвался о «Серёже» Корней Иванович Чуковский.

Мировое признание лучших фильмов, поставленных по сценариям Веры Пановой (всего их снято тринадцать), было закономерным. Мир кинематографа стал её миром.

В 1965 году режиссёр Владимир Яковлевич Венгеров снимает фильм «Рабочий посёлок». В центре сюжета – судьба спивающегося слепого инвалида войны Плещеева. В новой действительности он оказывается лишним.

Но не по утрате зрения и даже не по юной жизни, которую искалечила война, тоскует Плещеев.

Безжизненный его взгляд – это горе утраченных иллюзий времени послевоенного. Иллюзий, которым не было суждено сбыться.

Для советского кино картина «Рабочий посёлок» стала прощанием с «оттепелью».

Данелия, Хамраев, Таланкин, Венгеров и Фоменко. А ещё к творчеству Пановой обращались Юлий Андреевич Файт, Татьяна Михайловна Лиознова, Анатолий Васильевич Эфрос, Юлиан Александрович Панич и Игорь Фёдорович Масленников. Целое созвездие режиссёрских талантов!

А театральные знаменитости – Юрий Александрович Завадский, Анатолий Дмитриевич Попов, Николай Петрович Охлопков, Григорий Александрович Товстоногов – ставили пьесы.

Ведь Вера Фёдоровна не менее увлечённо сотрудничала и с театром.

В начале 60-х ленинградская писательница в зените славы. Книжки переводят, пьесы экранизируют, читатели её боготворят. И она признанный мэтр для молодых писателей.

Делегация советских авторов отправляется в круиз по США. Программа насыщенная. Вашингтон – Новый Орлеан – Спрингфилд – Чикаго – Буффало – Бостон – Нью-Йорк.

Это был один из первых после долгого перерыва писательских визитов на Дикий запад – попытка восстановления давно прерванных и налаживание новых контактов в области художественной культуры.

Но даже эти незабываемые впечатления не заслоняют чувства, что не успела она, Вера Панова, сказать ещё что-то очень важное!

Влечёт история: её тайны, трагедии и противоречия.

И вскоре выходят циклы «Смута» и «Лики на заре». Это взгляд в прошлое государства Российского, в те далёкие века.

Вера Панова всегда говорила, что есть у неё страх – не смерти, а остаться парализованной. И этот страх оказался ненапряжным.

Летом 1967 года в Москве проходят заседания IV Всесоюзного съезда советских писателей, Панова вернулась в Ленинград крайне переутомлённой, и последствия оказались катастрофическими: инвалидное кресло.

День трагедии она считала днём собственной смерти: *«Я, Панова Вера Фёдоровна, умерла 20 июня 1967 года, когда меня поразил инсульт, лишивший меня возможности ходить и владеть левой рукой».*

Но болезнь ничего не изменила – как и прежде, Панова Вера Фёдоровна работала на износ.

Необыкновенная сила воли и способность к творчеству!

Она пишет мемуары, сын Юрий помогает в работе над художественной биографией пророка Мухаммеда. Опубликуют эту биографию лишь в 90-м.

Вера Панова умерла в Ленинграде 3 марта 1973 года.

Отпевали её в Никольском морском соборе, а потом похоронили по православному обряду. Таково было её завещание.

И это, пожалуй, был её первый открытый конфликт с советской властью. Потому что советский писатель должен быть предан земле после гражданской панихиды, а не после православной молитвы.

*

НЕДОГИБЫ И ПЕРЕГИБЫ ИСТОРИИ

Чёрные дыры и белые пятна науки истории привлекали не только Веру Панову.

«Вы представляете, что значит равнодушие к истории? Это же равнодушие к Родине, к её истокам. Без истории не воспитать нравственности и гражданственности, гордости за Отечество».

Автор этих строк – автор целого ряда прекрасных исторических повестей.

«Тимофей с Холопьевой улицы» – независимый Великий Новгород, который мог «указать путь» неуголному князю.

«Зелен-камень» – самый драматический момент биографии всеильного Александра Меншикова, берёзовская ссылка.

А ещё – «В поисках доли», «Бегство в Соколиный бор», «Ханский ярлык».

За роман «Плевенские редуты», посвящённый событиям на Шипке, Болгарская Республика наградила автора орденом Кирилла и Мефодия.

Борис Васильевич Изюмский.

Человек редкой образованности и высокой культуры.

Родился Боря 6 марта 1915 года в городе Царицыне.

Сейчас это Волгоград, известный всем знаменитой Сталинградской битвой, одним из участников которой был и будущий писатель.

После тяжёлого там, под Сталинградом, ранения в 43-м (контузия и долгие месяцы лечения) недавний выпускник ростовского пединститута получает направление на преподавательскую работу в Новочеркасское суворовское училище.

Это было удивительно точное попадание. Назначение в только-только зародившееся учебное заведение – в основном для мальчишек, оставшихся сиротами в Великую Отечественную.

«Я был там просто счастлив, - не уставал повторять Борис Васильевич, - шёл 1944 год. Ещё шла война. Многие суворовцы были детьми погибших на войне офицеров и солдат.

Лепить из мальчишеских душ (опалённых огнём, осиротевших) людей высокой нравственности, привить им чувство воинской чести, – видимо, было моим призванием. Хотя писать я начал много раньше. Ещё студентом, лет двадцати...»

В первый послевоенный год в Ростове выйдет книга рассказов «Раннее утро».

А ещё через два года появится роман «Алые погоны», принёсший автору широкую известность.

Бывает так – писатель написал много книг. Обо всех могут не знать. Но есть одна, которую знают все. И не потому, что она лучше других. Нет. Тут другая причина. Просто она оказалась на перекрёстке многих судеб.

«Алые погоны» моментально завоевали сердца и души читателей.

И привлекли Госкино. Первый фильм – это «Честь товарища», 1953 год. Работа режиссёра-фронтовика Николая Ивановича Лебедева.

Через четверть века за экранизацию взялся Олег Васильевич Гойда. 1980 год, трёхсерийный телефильм с тем же названием, «Алые погоны».

А Изюмский написал и продолжение – «Подполковник Ковалёв». Судьбы бывших суворовцев – офицеров Советской Армии.

«Во время очередной нашей встречи, - рассказ этого самого подполковника, бывшего суворовца, Владимира Ковалёва – прототипа своего литературного тезки, - когда на Киевской студии снимался фильм «Алые погоны», Борис Васильевич сказал мне: «Ты меня извини, Володя, но мне пришлось под давлением ГлавПУРа в сценарии фильма сделать тебя политработником...»

Встречи с выпускниками были частыми. Борис Васильевич всё время поддерживал связь со своими питомцами. Даже после смерти его ростовская квартира оставалась *«штабом кадетского движения на Кавказе»*.

А уроки истории (по рассказам всех его воспитанников, ставших и подполковниками, и полковниками и генералами) – помнят всю жизнь.

Надо ли говорить, каким авторитетом пользовался у подростков этот – всего лишь двадцатидевятилетний – офицер! Всегда аккуратен, сапоги блестят, пуговицы сияют.

Очень интеллигентный, доброжелательный, влюблённый в русскую литературу и историю. Но – и одновременно на редкость требовательный.

«Помнится, был такой случай, - продолжает Ковалёв, - выучил я урок основательно, хотя перед этим уже два или три раза подряд он меня вызывал и ставил хорошие оценки...

И вдруг вопрос: «А что изображено на картинке в тексте урока?»

Урок я выучил. Но на самоподготовке я готовил не только историю и, конечно же, не обратил внимания на картинку в учебнике истории. И вот – результат: тройка с минусом! Военный человек должен быть наблюдательным. А картинки в учебниках помещают не для красоты...»

Даже в те трудные годы для старшекурсников по праздникам устраивались вечера, на которые приглашались девочки из соседней школы.

И где в обязательном порядке присутствовали преподаватели с супругами.

Основным мероприятием были танцы. Искусству этому обучала Лидия Николаевна Васильевна – бывшая прима Мариинского театра.

«Борис Васильевич на этих вечерах присутствовал всегда и особенно красиво танцевал танго. Какие фигуры выделявали они с женой! Мы такие только в кино, пожалуй, видели», - улыбается Владимир Ковалёв.

Борис Васильевич преподавал историю. А ещё логику и психологию. И никто бы и не догадался, что когда-то был он грузчиком и токарем. В Таганроге.

Боря учился в таганрогских школах № 2 имени Антона Чехова и № 16.

Будущая Борина мама Анна Борисовна была полурусской, полу-еврейкой. И очень одарённой девочкой: золотая гимназическая медаль, пела и рисовала.

К моменту встречи с будущим Бориным папой Василием Ивановичем Анна уже имела семилетнюю дочку Соню. А дочкин папа куда-то исчез.

Любовь Василия и Анны была бурной и скорой – будущий писатель появился на свет через два месяца после заключения брака.

А поставить штемпель позволили лишь в том случае, если жених примет лютеранство.

Жениха (который ещё в гимназии руководил подпольным революционным кружком) никакая религия не интересовала, но для рождения законного наследника согласился.

И брачное свидетельство скрепили редкий штемпель «крест с рыбой» и подпись пастора Шмидта.

А познакомилась Аня с Васей в редакции царицынской газеты, он работал корректором, а она писала рецензии и очерки.

Но, неизвестно ещё, кто писал из них лучше, потому что Вася даже получил благословение из Сорренто, от самого Максима Горького! Прочитав Васин рассказ «На богомолье», основоположник соцреализма отметил несомненные литературные способности.

И Вася позднее печатался.

С папиной стороны – в роду казаки. Прадед Иван Иванович из города Изюма – был чумаком, возил соль и сушёную рыбу на дальние расстояния.

«А дед – тоже Иван Иванович – водил конские табуны в царицынских степях. Было ему 99 лет, когда соскочил он с коня, поглядеть что там такое с задним копытом? Конь ударил деда копытом в висок, и на этом кончился его век», - рассказывал писатель.

А потом Изюмские переехали в Таганрог. А потом родители расстались.

Борис Васильевич говорил, что его отец и мать сразу удивительно не подходили друг другу. Она – очень хрупкая, болезненная, мягкая, интеллигентная. Он – здоровый казачина.

Анна Борисовна через несколько лет умрёт, а у Василия Ивановича будут два ареста. Второй он не переживёт. В 56-м посмертно реабилитируют и установят революционные заслуги.

Когда ушёл отец, приходилось перебиваться на скудные заработки репетиторства матери.

Но пацаны особенных трудностей не замечают – незабываемый период таганрогского нэпа!

«Моя мальчишеская жизнь шла своим чередом: играл в «казаки-разбойники», гонял в футбол пустую консервную банку, запускал змеев из слепленных миллионных бумажек.

Во дворе жила ещё еврейская семья. Очень полная мама Сюня, её муж – маленький, худой сапожник Гриня. Когда он напивался, Сюня не пускала его в дом ночевать, и он почти выкрикивал на весь двор:

– Что ты меня муцис, что ты меня терзаис!

Сюня любила соседкам по двору рассказывать, как она в войну плыла пароходом из Одессы:

– А море было маринованным... а на мне было платье: гладкий перёд и волнующий зад...

Дочка Сюни, такая же толстая, как и мать, обращалась к матери на «вы», рассердившись же, кричала ей:

– Мама, вы корова!

Рядом с Сюней жило семейство журналиста Черток. Их домработница как-то сообщила всем во дворе, что её хозяин пишет «под псевдонимом».

В городе процветал нэп. Торговал на Петровской мягкими франзолями владелец кондитерской Греппер, и его сын Вилли приносил нам их. Делали мыло в своей домашней мыловарне на Греческой улице братья Багдасаровы.

В подвале бара танцевала голая красавица Паня с высокой причёской королевы, и мы, мальчишки, прижавшись к земле животами, заглядывали в окно.

В городском саду вечерами дирижировал духовым оркестром изящный, с длинными волосами италянец Молла, собирая многочисленных любителей музыки.

Это было время, когда таганрогские мальчишки упоённо увлекались звёздами футбола и кино.

Таганрогская футбольная команда славилась на весь мир... Чтобы купить билет на матч (приезжали команды Бразилии, Чили), мы, переехав «по хорде» Азовское море, резали камыши с бархатными коричневыми набалдашниками и продавали их по копейке штука.

...Мы бредили Дугласом Фэрбенксом из «Знака Зорро», трюками восхитительного Гарри Пиля, прыгавшего с моста на крышу проходившего внизу вагона, хладнокровным ковбоем Вильямом Хартом, Конрадом Вейдтом – с огромными очами факира; подражали комикам Гарольду Ллойдю в очках-колёсах, невозмутимому Бестеру Китону и, конечно же, Чарли Чаплину».

Анна Борисовна болела, Боря топил печку, готовил обед, ходил на базар. Читать и писать выучился он рано, потому шестилетним попал сразу во второй класс. И был самым младшим и самым бедным.

Но вот девять классов окончены, Борис устроился в геодезическую группу, таскал рейки и теодолит.

А через полгода, соврав насчёт возраста, пошёл на завод имени Сталина. Грузил снарядами вагонетки. Заработок был сносным, и жить стало чуть легче.

«Но особенно изнуряли работы в ночной смене. После неё сколько бы днём ни спал – всё равно хотелось спать.

Так как дома часов не было, а утром следовало идти на работу часа полтора пёхом, то ночью спал беспокойно и даже зимой бегал из дома за два квартала на Ленинскую улицу, посмотреть – который час.

Наконец, купил ходики, но то и дело ночью зажигал спички – не проспал ли, и однажды устроил пожар: сгорело красное ватное заслуженное одеяло».

Завод – заводом, но не покидала мысль о желании стать учителем истории. В те времена не было в институтах конкурсных экзаменов, а принимали по путёвкам. И в заводском комитете комсомола такую путёвку он получил. Точнее, выбрал сам: Ростовский педагогический.

А 1 декабря 1934 года убили Сергея Кирова.

По стране прокатилась волна арестов – иногда целыми группами. Исчезали и студенты, и преподаватели.

А тут как раз выпустил свой первый поэтический сборник ростовчанин Николай Вартанов. Побывал на встрече с читателями в пединституте, а через месяц оказался врагом народа.

Студента исторического факультета Бориса Изюмского тоже выгнали. И из комсомола, и из института.

«Причём мой близкий друг Лёва Айвазов, секретарь институтского комитета комсомола, на мой панический вопрос «За что?!» ответил: «Знаешь, лес рубят – щепки летят. В этом деле лучше перегнуть, чем недогнуть».

Психоз с перегибом был столь велик, что чудесный парень с нашего курса Виктор Петько, заболев манией преследования, бросился под поезд, а слепой студент Инчев – повесился.

Вскоре арестовали и Лёву Айвазова. К счастью для меня, в это время в передовице «Комсомольской правды» упомянули нелепое основание исключения, и меня восстановили и в комсомоле, и в институте».

Что ж, не всё плохо – даже появилась возможность подработки! На последнем курсе стал Борис преподавать историю партии в вечерней школе при Ростсельмаше.

Ученики – бородатые отцы семейств. Начальники цехов, мастера.

- *Товарищ преподаватель, я был делегатом на шестнадцатом съезде партии, и там было немало иначе, чем вы рассказали.*

Приходилось выкручиваться:

- *Вот хорошо! Участник съезда расскажет нам, как было.*

«Энергии хватало на всё: и забежать вечером на литгруппу при доме медработников, куда заглядывали писатели Бусыгин, Письменный, где читал свои стихи юный Солженицын; отправиться с группой летом на работу в совхоз «Гигант» или в Аксайскую МТС весовщиком и привезти оттуда заработанную пищённую крупу; и выступить в театре при обсуждении пьесы «Платон Кречет»; и закончить школу балльных танцев».

Вроде бы всё было хорошо.

1941 год. И вчерашний выпускник добровольцем ушёл на фронт. Служил в кавалерии, артиллерии, командовал стрелковой ротой. В боях за Мелитополь был ранен.

В другом бою заменил погибший расчёт противотанкового орудия и прямой наводкой сжёг танк, при этом снова ранен и контужен.

В 44-м демобилизовали и отправили в Новочеркасск преподавать.

Писатель Борис Васильевич Изюмский – человек очень нелёгкой, но интересной и счастливой судьбы. Публиковал он и стихи, правда, очень редко.

Когда появилась задумка о романе «Море для смелых», на несколько лет поселился в Волгодонске. И вполне закономерно, что стал впоследствии почётным гражданином этого города.

Борис Васильевич всегда находил время для дружеского общения со своими читателями. Творческие встречи были у него и в исправительно-трудовых колониях несовершеннолетних.

И появлялись потом они в его книгах – как живые, не придуманные, не безликие литературные персонажи.

Не отказывал в помощи молодым литераторам. Всё талантливое радовало его, и писатель прилагал немало усилий, чтобы оно стало нашим общим достоянием.

Последние годы Изюмский жил в Ростове-на-Дону, был секретарём правления Областной писательской организации.

И до последнего часа работал. Но повесть о декабристе Николае Бестужева осталась неоконченной.

6 сентября 1984 года Борис Васильевич Изюмский ушёл из жизни.

На надгробии – суворовский погон.

Как знак признательности и уважения от общественной организацией «Российское кадетское братство».

«Старший лейтенант Изюмский в восьмой раз («Война и мир»!) переписал, перепечатал на машинке 200 страниц «Алых погон», законвертовал рукопись, надписал: «Москва, издательство «Молодая гвардия» и отправил её...

В Москве ведь ни одной знакомой души. Жду-пожду месяц, два, шесть, год... Да был ли мальчик? Уже капитаном стал, как получил письмо: «Прочитали рукопись. Будем печатать».

Наивный человек, я не знал тогда, что после такого письма, если очень повезёт, то проходит года два, пока появится книга, а то три-четыре года.

Жду ещё год, полтора, два. Майором стал – как приходит бандероль. Распечатываю и глазам своим не верю: на обложке изображён какой-то замысловатый вензель, под ним надпись: «Борис Изюмский, а внизу гриф «Молодая гвардия» и год 1950».

Моё или не моё? Сколько лет прошло, раз шесть за это время вскрывал свои подобные бандероли, но это первое чувство...

Выход в свет в Москве «Алых погон» был для моих коллег по НСВУ полной неожиданностью.

Так, капитан Глуцук, похожий на Наполеона, сказал на плацу: «Согласитесь, товарищ капитан, что если бы любой из нас имел столько же свободного времени, сколько вы, он бы тоже написал и не хуже вас».

Училищное начальство стало усиленно отправлять меня в ночные наряды на пищеблок (на кухню) – знай сверчок свой шесток.

В Ростове проходило совещание политработников СКВО. Полковник из Москвы, обращаясь к собравшимся и желая их повеселить, сказал: «А знаете вы, чем занимаются офицеры НСВУ от безделья?» - Он сделал паузу: - «Книги пишут!»

В ответ раздалось подхалимское «хи-хи-хи».

Узнав об этом, я решил оставить военную службу, хотя мне только что присвоили звание «майор». Написал рапорт: «В связи с желанием серьёзно заняться литературной работой...»

Борис Васильевич Изюмский – автор многосторонний. Есть у него любопытные наблюдения за жизнью собратьев-писателей. Ну, и со-сестёр.

Вот несколько, для примера.

Как-то Мариэтта Сергеевна (Шагинян – ред.) спросила у меня строго:

- Борис Васильевич! Что вы там делаете в своём Ростове?

- А что такое, Мариэтта Сергеевна?

- Да ведь императрица Екатерина дала навечно указ нахичеванским армянам, а вы ликвидировали Нахичевань, вместо этого назвали этот район Пролетарским. Да какое же вы имели право?

Прочной была у меня дружба с Михаилом Слонимским. Как-то он сказал с горечью, когда я был у него дома:

- Я в блокаде. Сейчас у меня ни гроша! Но ведь стоит умереть, как издадут многотомник.

Как в воду смотрел!

А Паустовский начал рассказывать мне:

- Когда строили Волго-Донской канал, я по командировке газеты «Правда» приехал в ваши края... С жильём там было в те времена очень плохо. Но всё же «директор гостиницы» – некоего

сарая, раскрыв перед собой амбарную книгу, неторопливо записал: «Паустовский Константин Георгиевич, лауреат Сталинской премии». А я ему говорю: я не лауреат...

Тогда «директор» сердито зачеркнул всю строчку: «Что ж вы об этом раньше не сказали? Нелауреатам местов нет».

Особого разговора заслуживает Александр Павлович Оленич-Гнененко. По происхождению дворянин, высокообразован.

В своё время сибирский левый эсер-террорист, он больше всего любил слово «принципиальность», хотя её-то ему частенько и не хватало. Вот идёт «борьба с космополитами», прорабатывают поэта Леонида Шемшелевича... Больше всех в «разоблачительствах» старается Оленич: «заклеймить», «принципиально», «калёным железом»...

Но вот последовала, так сказать, общесоюзная амнистия... В комнату СП заходит Леонид Шемшелевич.

Александр Павлович вскакивает, бросается к Леониду Вениаминовичу, обнимает, целует его, даёт ему стакан воды. Позже, когда тот ушёл, я спрашиваю у Оленича:

- Александр Павлович, когда же вы были искренни? Тогда, когда в этой же комнате требовали самых крутых мер в отношении Шемшелевича, или сегодня?

- Тогда я был мерзавцем, а сегодня я целовал своё сердце.

Особое место в творчестве офицера-педагога-писателя занимает увлекательная повесть «Спутник мой незримый». История жизни и необыкновенной, великой любви грузинской княжны Нины Чавчавадзе к русскому гению-дипломату Александру Грибоедову.

Изюмский не только писал – он собирал. Собирал редкие книги. И особенно дорожил томиком «Горя от ума» 1825 года издания.

Предисловие Фаддея Венедиктовича Булгарина. И дарственная надпись: «Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг А. Грибоедов. 5 июля 1828 года».

Эта книга попала к ценителю старины уже после написания повести о княжне Нине.

Переходя к следующей страничке нашего сборника, приведём ещё одно суждение Бориса Васильевича Изюмского:

«Всегда честен поэт Долинский, ненавидящий «тайны мадридского двора», смеющийся в глаза называть подлецов подлецами, на всю жизнь сохранивший армейскую зарядку (в войну был воздушным стрелком)».

*

ВЬЮГ СМЕРТЕЛЬНЫХ ОДУРЬ

Факты удивительной судьбы дипломата и княжны привлекали многих.

Тбилисский цикл Даниила Марковича Долинского. Стихотворение «У могилы Грибоедова».

*Не нарушив красоты весенней,
Тишины вечерней у могил,
Я живую веточку сирени
На холодный мрамор положил.*

Недавний фронтовик, молодой поэт попадает в столицу Грузии. Его другом становится такой же недавний фронтовик, а ныне студент Тбилисского университета, Булат Окуджава.

Булат создал литературный кружок. «Соломенная лампа» – в честь абажура в квартире Булатовой тётки.

Весёлые талантливые люди собирались в этом студенческом союзе.

И здесь, в столице Грузии, стихи Дани Долинского – на выездном совещании Союза писателей – получили первое профессиональное одобрение. А совещались самые настоящие мастера поэтического слова: Николай Семёнович Тихонов, Николай Алексеевич Заболоцкий, Павел Григорьевич Антокольский.

А Рюрик Ивнев даже посвятил Дане стихи:

*Я сжимаю твою полудетскую руку.
В дни боёв и она охраняла наш тыл.
Я приму на себя твою горькую муку,
Чтобы ты улыбнулся и горе забыл.*

А потом студентами-неформалами заинтересовался Комитет госбезопасности.

У Булата и Даниила до ареста не дошло, но Тбилиси пришлось покинуть. Даниил перебрался в совсем незнакомый ему тогда Ростов-на-Дону.

Через полвека, откликаясь на смерть Булата Шалвовича, Долинский вспомнит:

*Как под лампою «соломенной»
Мини-солнышко жило!..
Виснул гром на ветке сломанной –
Добела её прожгло.*

*Время было не весеннее –
Речь кровили удила,
И на ниточке висели мы,
Прошивающей дела...*

Родился Даня 15 июля 1925 года в еврейской семье. Полтавщина, город Кременчуг. Мать умерла рано, жили с мачехой. Отношения с пасынком не складывались.

После семилетки Даню взяли на работу в Днепродзержинский театр русской драмы. Сначала – рабочим, а затем доверили и на сцену выходить.

Из ролей, правда, больше носить за королевами шлейфы приходилось. Но на ампула героев-любowników он и не претендовал. Главное, ведь – сама атмосфера кулис!

Год поучился Даня актёрскому ремеслу, а потом началась война. Марк Долинский почти сразу погиб в ополчении, дедушку и бабушку убили гитлеровцы.

Семью мачехи эвакуировали в Казахстан. Ехал и Даня. Но их пути разошлись. Ощущение сиротства отозвалось в стихотворении «Доброта»:

*Меня, голодного и вишвого,
несло за мамою вдогон..
Я кем-то схвачен был за шиворот
и тащен с буфера в вагон.*

*Хоть и считал себя не маленьким —
уже седьмой окончил класс, —
беспаспортный сыночек маменькин,
я был без мамы
первый раз.*

Эвакуационная судьба забросила его поначалу в Кзыл-Орду. В казахском колхозе приютили и дали работу.

Сюда, в Казахстан, переехал и театр Днепродзержинска. Труппа только стала очень своеобразной: артисты и из России, и из Литвы, и с Украины. У каждого – свой акцент, а кто-то русского не знал вообще.

Театр разместили в пристанционном клубе, и – для отправлявшихся в окопы бойцов – был он как последний кусочек мирной жизни.

Об этом периоде своей биографии Долинский расскажет в поэме «Актёры»: творческая интеллигенция и судьба воюющей страны.

Отсюда, из Кзыл-Ордынского театра, служители Мельпомены и провожали юного артиста в Серпуховское авиатехническое училище – в 43-м призвали Даниила в ряды РККА.

После училища – сразу 3-й Украинский фронт. Служил механиком и стрелком-радистом. Участвовал в освобождении Молдавии, Румынии, Югославии, Венгрии, Австрии.

Армейская газета «Отвага» публикует его стихи. Откровенные и точные ощущения первого вылета:

*Моё крещение огнём!
Мой первый вылет боевой!..
Приказ —
И мы в полёт идём
Над огневой
Передовой...*

...
*В тот день мне довелось понять,
Что так всегда бывает:
Кто даже не рождён летать,
Приказано – летает!*

После 45-го Долинский продолжает службу в Советской армии военным журналистом.

*О войне я начал на войне.
И дала армейская газета
Восемь строчек ротного поэта,
Хоть и были строчки – не вполне...*

...
*Никогда я лучше о войне
Не скажу, как мне тогда казалось,
И не напишу, как писалось,
Хоть и были строчки – не вполне...*

Подшло время демобилизации, а ехать молодому поэту некуда. Дом в Кременчуге разорён.

Даниила привезли в Ростов его тбилисские друзья – супруги Юлий и Клара Грабовецкие. Здесь жила мама Клары. К ней и отправили Даньку, не имевшего ни родного угла, ни близких.

На вагонной полке – картонный чемоданчик. Всего имущества – бритва и штаны с рубашкой, и стихи. И главная ценность: письмо Рюрика Ивнева к Виталию Закруткину, в котором известный поэт просил известного прозаика посодействовать молодому таланту.

Виталий Александрович откликнулся – ввёл 25-летнего поэта в круг ростовских писателей, представил его редакциям ведущих газет.

- Я посадил тебя, - говорил он Долинскому, - а дальше через забор лезь сам.

И Даниил стал посещать литературное объединение «Ростсельмаш». Шли здесь оживлённые и пристрастные обсуждения рукописей молодых авторов. Вспыхивали горячие споры, читались новые стихи, постигалась тайна сотворения художественного.

У завода была и своя газета – «Ростсельмашевец». Вот в редакцию этой многотиражки и устроился Даня на работу.

А заводское литобъединение возникло в 1928 году, почти одновременно с одноименным заводом.

Заводским литераторам неоднократно давали мастер-классы московские поэты и писатели. Приезжали Мариэтта Сергеевна Шагинян, Степан Петрович Щипачёв, Николай Александрович Асанов. И даже Алексей Максимович Горький.

За долгие годы существования сменилось много руководителей. Каждый оставил заметный след и добрую память в коллективе, многому научил начинающих рабочих авторов.

Побывал в литературных начальниках и Даня Долинский. Вместе с другом Иваном Лесным придумал сатирическую газету «Соломотряс» – как дань, наверное, тбилисской «Соломенной лампе».

Не оставил Даниил заводское литобъединение и после того, как перешёл в областную комсомольско-молодёжную газету «Большевицкая смена». Здесь уже работали известные журналисты-краеведы Константин Иванович Прийма, Владимир Семёнович Моложавенко и Иосиф Моисеевич Гегузин.

Вспомнил Даня и о том, что не мешает подучиться – до войны-то всего семь классов. Окончил школу рабочей молодёжи и отправился покорять столицу.

После книги «Первая любовь» его приняли в члены Союза писателей СССР. Вот с рекомендацией Союза и поехал.

Литературный институт имени Максима Горького – это, во-первых, красивый старинный особняк. Знаменитый булгаковский «Дом Грибоедова».

Эти стены помнят Виссариона Белинского, Петра Чаадаева, Николая Гоголя. Здесь в 1812 году появился на свет Александр Герцен.

Страшно было потому – почти как на передовой!

Даниил прошёл – и творческий конкурс, и вступительные экзамены. И поступил на курс к Владимиру Александровичу Луговскому.

Вместе с ним учились Игорь Давыдович Шаферан, Юрий Павлович Казаков, Михаил Спартак-ович Пляцковский. А с Сергеем Сергеевичем Наровчатовым – даже стихи друг другу посвящали.

Творчество студента Долинского вызывало интерес. Как-то пригласили выступить в компании известных мастеров слова.

И едва гость прочёл: *«Нет, стихи не стареют, лишь становятся старше»* и дошёл до строк *«Трусы песен не пишут – песни пишут бойцы!»* - все заплодировали, а поэт Виктор Фёдорович Боков воскликнул: *«Здорово!»*

А титульный лист дипломной работы выпускника Литинститута Даниила Долинского отмечен резолюцией поэта Сергея Васильевича Смирнова (председателя выпускной комиссии): *«Правом данной мне власти – утверждаю!»*

В 1966 году Долинский вошёл в состав редколлегии журнала «Дон». Помимо всего, сочинял ещё стихотворные подписи к агитплакатам. К примеру, увидев мельком в руках художника набросок с изображением нерадивого колхозного заготовителя кормов, тут же выдал: *«На такие кормозаготовки проживут лишь божие коровки»*.

Не обходилось и без дёгтя.

После очередной публикации областная партийная газета «Молот» дала разгромную рецензию: в стихотворении о грузинской реке Ахалкалаки-чай показал аполитичный автор *«не разбуженную»* природу советской республики.

Река *«веками просится под колесо турбины»*. Может ли быть такое в нашей социалистической действительности? Во времена великих строек?

Итог мог быть крайне плачевным, но судьба хранила и на этот раз. В Ростове, на очередном выездном совещании Союза писателей, собрались литературные маэстро: Константин Георгиевич Паустовский, Михаил Кузьмич Луконин, Николай Матвеевич Грибачёв, Мария Павловна Прилежаева.

К ним присоединились и донские асы: Виталий Александрович Закруткин, Иван Дмитриевич Василенко, Анатолий Вениаминович Калинин, Дмитрий Ильич Петров (Бирюк).

Итог общему мнению подвёл Луконин:

- К начинающим авторам нельзя относиться так, как это сделал «Молот».

А начинающий автор из начинающих быстро уходил.

Темы стихов – самые разнообразные. Как и Веру Панову, как и Бориса Изюмского, влечёт великое прошлое нашей страны.

Баллада о герое Шипки столетнем драгуне Тимофее Андреевиче Роговом:

*Русские штыки у генерала
да ещё болгары-ополченцы,
да ещё в кисете рядового
горсточка родной земли у сердца...*

Вся поэзия Даниила Маркович Долинского, так или иначе, касается темы сражений. Это и жгучая память о войне, и взгляд на пережитое из сегодняшнего дня.

Так кончается война:

Выстрел... Эхо.

Тишина

Непривычная.

Впервой

За четыре года.

И впервой

Над головой –

Нелётная погода...

Ему часто задавали вопросы о том, что страшно ли было на войне, и какие самые яркие впечатления она оставила?

Поэт отвечал, что *«не боится только дурак. Но человек ко всему привыкнет. Мы Родину защищали, а это святое дело... А самое яркое впечатление – это то, что я остался жив!»*.

*Я возвращался... В полдень летний,
большой, живой, двадцатилетний,
вернулся – детство увидал.
И детство я к груди прижал,
Пилотку снял: «Ну вот я, целый!..»*

*А под пилоткой – пепел белый
Сгоревшей юности лежал...*

Занятия литобъединения были све-тилищем, свя-тилищем. И сва-тилищем. Появилась новая маленькая литературная семья: Даниил и Евгения. Через год родилась Ирочка.

Дочка – гордость Даниила Марковича, он восторгался её ранним успехам, писал ей стихи с посвящениями.

И просто – писал стихи.

- Данька не может не сочинять, - смеялась супруга. - Отруби ему руки – он культями будет писать.

Быт налаживался, Долинские получили квартиру. Но – миром не поэты правят: Евгения ушла к другому. Даниил был в шоке.

Кто знает, как бы сложилась дальнейшая его жизнь, если бы не встретил Галю Лесникову. На долгие годы стала Галина Леонидовна его ангелом-хранителем.

А познакомились они в Ленинграде. Мойка, 12, квартира Пушкина.

Увидев стоящими рядом невысокого курчавого мужчину и красивую молодую (выше его ростом) женщину, экскурсовод заявила:

- Вот примерно так выглядели Александр Сергеевич и Наталья Николаевна...

С той поры они неразлучны. Так что, не только военные воспоминания питают вдохновение Даниила Марковича. Он всегда провожал взволнованным взглядом, а то и восторженной репликой симпатичную женщину – великое право поэта!

И всё же любовь – она только одна, его Галина.

*Не реченье, не присловье,
просто – это ясно всем:
не увидено любовью –
не увидено ничем!*

*...Над бумагою пустою
я на том себя ловлю:
если я чего-то стою,
это – я тебя люблю!*

Но полного счастья не бывает: дочка Наташа очень нездорова.

Даниила спасала поэзия.

А Галина Леонидовна делала всё от неё зависящее, чтобы создать нормальную оздоровительную обстановку Наташе и нормальную рабочую – Даниилу.

А Даниил Долинский вёл семинары молодых поэтов, возглавлял различные литературные конкурсы, выступал по радио и на телевидении. Композиторы писали песни на его стихи. К тому же он был прекрасным рассказчиком. В любой аудитории чувствовал себя свободно.

А память сохранила многое: и горечь фронтовых дорог, и радость послевоенных встреч.

Однажды подошёл к редактору тихий парень, подал тетрадочку и попросил оценить его литературные опыты. Прочитав лирические миниатюры молодого автора, Даниил Маркович пришёл в восторг!

Автором оказался приехавший в Ростов будущий знаменитый клоун Леонид Георгиевич Енгибаров.

Добиваясь собственного успеха, Долинский умел ценить удачи других.

Потому так велик багаж его переводов: черногорская, хорватская, болгарская, чешская, венгерская поэзия.

«Признаю только художественный, максимально верный перевод. Максимально верный, а потом уже – художественный, – это не перевод, а, на мой взгляд, художественно оформленное переложение, более или менее дословное.

Таких работ достаточно много в ежедневной практике публикации переводов. Они напоминают мне фотографии-пятиминутки для документов».

Он считал, что воссоздание подлинника – в стихии своего языка – требует от переводчика дара перевоплощения, артистизма, виртуозности, культуры и душевной щедрости.

Для переложения на русский Даниилу Марковичу доверяли свои стихи аварец Расул Гамзатович Гамзатов и армянка Сильва Барунаковна Капутикян.

Балкарец Кайсын Шуваевич Кулиев и калмык Давид Никитич Кугультинов.

И все становились его друзьями. Он объединял своим дружелюбием и мягким юмором.

Кулиев писал:

«С достоинством принимая радость и боль, счастье и беду, живёт поэт на милой отчей земле и делает своё дело, постигая мудрый смысл труда пахаря и художника, солдата и каменотёса, стараясь понять язык дождя и снега, дерева и травы...»

Наверное, чтобы всё это понять, поэт постоянно работал с молодёжью, писал для детей, много путешествовал.

На Урале родилось стихотворение «Дом Бажова»: весёлое удивление созвучию своего имени с именем героя знаменитых сказок:

Павел Петрович, прошу прощенья!

Павел Петрович, всё же

Хоть не Данилкиного уменя,

а я – Данилка тоже!

Тожже и мне – ни деньков, ни ночек,

Тожже – то в хлад, то в пламя,

Чтобы – хоть маленький свой цветочек

из самоцветного камня!

А как раз под окнами новой квартиры, Даниила Марковича, на Ворошиловском проспекте, установили бюст Лермонтова. Поэт улыбался: *«На Михаила Юрьевича смотрю теперь свысока...»*

В квартире на Ворошиловском у Долинского появился собственный кабинет. Увлекаясь работой, он мог просидеть над рукописью до утра.

Всё это со временем отрицательно сказалось на его здоровье.

И 2 ноября 2009 года мы попрощались с замечательным донским поэтом.

В последние годы он искал душевного успокоения – дома, в лесу, у моря, в храме.

О вечных ценностях, о смысле бытия, о нелёгком и противоречивом времени после того, как развалилась великая страна, рассказывают лирические циклы «Белое облако, чёрная туча», «Хор куполов во тьме веков», «Сад Гефсиманский», поэма «Двор».

Но среди новых тем и мотивов неизменным остаётся обращение к теме войны, подвигу русского солдата.

Одно из лучших последних его стихотворений

*Помнит вьюг смертельных одурь, –
Не видать в огне ни зги, –
Кто с устатку к речке Одер
Вышел вымыть сапоги.*

*Пыль Европы, оседая,
Крепко въелась в кирзачи.
И звенела водь седая
Под ногами, как ключи.
В окнах простыни белели:
Мол, «Сдаюсь!», - кричал Берлин.
И солдат, дошедший к цели,
Задремал среди руин.*

*Снилось поле, снилась речка,
Снился сам себе мальцом,
Снилось, что в руках уздечка,
Лошадь снилась пред крыльцом.*

*Снилось: оседлал он лошадь
И, под орудийный гром,
Выехал к войскам на площадь...*

Жуков выедет потом.

Старые тетрадки...
Свидетельницы, собирательницы, хранительницы вечного.
Маленькие спутницы великой литературы.
Суждения современников, их впечатления, недоумения, согласия и несогласия.
И, если случается нам такую тетрадку перелистать, мы тоже соглашаемся и не соглашаемся.
И не перестаём удивляться тому своеобразному периоду в истории государства Российского – эпохе построения социализма.

Старые тетрадки...
Маленькие спутницы великой литературы.
И её верные помощницы.

*

СЛОВАРЬ:

- Агитплакат – плакат, отражающий злободневные политические события с целью агитации.
- Адамини Доменико – российский архитектор итало-швейцарского происхождения (XIX век).
- Булгарин Фаддей Венедиктович – российский писатель, издатель и критик, действительный статский советник.
- Бусыгин Александр Иванович – советский писатель и журналист.
- Вейдт Конрад – известный немецкий актёр немого кино.
- ГлавПУР – Главное политическое управление, руководящее партийно-политической работой в Советских Вооружённых Силах.
- Гумилёв Лев Николаевич – советский историк-этнолог, сын поэтов Николая Степановича Гумилёва и Анны Андреевны Ахматовой.
- «Знак Зорро» – американский немой художественный фильм режиссёра Фреда Нибло.
- Ил – марка самолётов выдающегося авиаконструктора Сергея Владимировича Ильюшина.
- Китон Бестер – один из величайших американских комиков немого кино.
- Космополитизм – идеология мирового гражданства, ставящая интересы всего человечества в целом выше интересов отдельной нации или государства. В СССР (1948-53 годы) процессы «борьбы с космополитизмом» – идеологическая кампания, направленная против части советской интеллигенции как носительницы прозападных тенденций.
- Лесной Иван Николаевич – известный советский баснописец.
- Ллойд Гарольд – знаменитый американский комик немого кино.
- Мариинский театр – Санкт-Петербургский (тогда – Кировский) театр оперы и балета.
- Мельпомена – в древнегреческой мифологии муза трагедии.
- МТС – машинно-тракторная станция.
- НСВУ – Новочеркасское суворовское военное училище.
- Оленич-Гнененко Александр Павлович – советский писатель, переводчик. Его перевод на русский язык «Алисы в стране Чудес» Льюиса Кэрролла считается одним из лучших.
- «Оттепель» – неофициальное обозначение периода в истории СССР после смерти Сталина: либерализация режима, ликвидация ГУЛАГа, свобода творческой деятельности.
- Пиль Гарри – знаменитый немецкий кинематографист начала XX века.
- Письменный Александр Григорьевич – советский писатель и журналист.
- «Платон Кречет» – пьеса украинского драматурга Александра Евдокимовича Корнейчука.
- Пунин Николай Николаевич – историк искусства, гражданский муж Анны Ахматовой.
- РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия.
- Рюрик Ивнев (Михаил Александрович Ковалёв) – поэт, секретарь наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского.
- СКВО – Северо-Кавказский военный округ.
- Слонимский Михаил Леонидович – советский писатель, участник литературной группы «Серапионовы братья».
- СП – Союз писателей.
- Фэрбенкс Дуглас – американский актёр, звезда эпохи немого кино.
- Харт Вильям – знаменитый американский кинематографист начала XX века.
- Чаплин Чарльз – гениальный американский и английский кинематографист, один из самых творческих и влиятельных людей первой половины XX века.
- Чумак – крестьянин, занимающийся перевозкой и продажей продовольственных товаров.

*

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Воспоминания о Вере Пановой. – М.: Советский писатель, 1988
- Джичоева Е. Два лика времени. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1988.
- Долинский Д. Избранное. – М.: Литературная Россия, 2000.
- Донской временник: 2005 год. – Ростов н/Д: ДГПБ, 2004.
- Изюмский Б. Избранное в 2 томах. – М.: Молодая гвардия, 1986.
- Изюмский Б. Мои вечера (детали жизни). // Ковчег Кавказа. – 2009. – № 27. – С. 3.
- Котовсков В. Наши земляки. – Ростов н/Д: ООО «Ростиздат», 2008.
- Крюков М. Пусть не оборвется нить. // Правда. – 1987. – 2 июля. – С. 4.
- Культура Дона в лицах. – Ростов н/Д: АООТ «Рост. Кн. изд-во», 1997.
- Литературная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1970.
- Люди земли Донской. – Ростов н/Д: Омега-Принт, 2008.
- Нинов А. Вера Панова. – Л.: Лениздат, 1964.
- Огрызко В. Русские писатели. Современная эпоха. – М.: Литературная Россия, 2004.
- Панова В. Избранные произведения в двух томах. – М.: Современник, 1980.
- Писатели Дона. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1986.
- Русские детские писатели XX века. – М.: Флинта; Наука, 1997.
- Русские писатели XX века. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
- Тартынский Л. Автор «Алых погон» был заядлым книжником. // Вечерний Ростов. – 2010. – 7 апр. – С. 2
- Тевекелян Д. Вера Панова. – М.: Советский писатель, 1980.
- Тихомирова В. Умное сердце. // Молот. – 2005. – 4 марта. – С. 12.
- Энциклопедия Таганрога. – Ростов н/Д: ООО «Ростиздат», 2003.
- http://cbs-bataysk.ru/index.php?catid=330:2011-04-06-09-05-57&id=5427:2011-11-15-13-00-27&Itemid=74&option=com_content&view=article
- <http://funeral-spb.narod.ru/necropols/komarovo/tombs/panova/panova.html>
- <http://kkcby.narod.ru/rostovkadet/rsnk/Sudbi/ushitel.html>
- http://modernlib.ru/books/ninov_a/vera_panova_tvorchestvo_i_sudba/read/
- <http://nnao.ru/wp-content/uploads/2012/02/2009-22157-9.pdf>
- <http://obook.ru>
- <http://pomnipro.ru/memorypage557/biography>
- <http://pomnipro.ru/memorypage18413/biography>
- <http://readly.ru/author/2932090/>
- <http://rrosrp.ru/texts/dolinskij-daniil-markovich/>
- <http://rrosrp.ru/texts/barsukov-eduard-grigorevich/golosa-kotorye-ne-otzvuchali/str-13/>
- <https://ru.wikipedia.org/wiki>
- <http://rudocs.exdat.com/docs/index-67348.html?page=5>
- <http://to-name.ru/biography/vera-panova.htm>
- <http://www.aki-ros.ru/news/33657.html>
- <http://www.interfax-russia.ru/South/print.asp?id=242803&type=city>
- <http://www.kino-teatr.ru/kino/screenwriter/sov/18216/bio/>
- http://www.kovcheg-kavkaz.ru/issue_43_415.html
- http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/PANOVA_VERA_FEDOROVNA.html?page=0,0
- <http://www.peoples.ru/art/theatre/dramatist/panova/>
- http://www.rodb-v.ru/literary-ethnography/modern_writers/dolinsky/
- http://www.rodb-v.ru/literary-ethnography/modern_writers/boris_vasilievich_izumsky/
- <http://www.rostov-gorod.ru/?ID=7335>
- http://www.rostov50.ru/izyumsky_kolesnikov.html
- http://www.rostov50.ru/lito_rostselmash.html

http://www.rostov50.ru/1950_panova.html
http://www.taktfuld.ru/m/s/dolinskiy_daniil_markovich
http://www.u-f.ru/ru/Archive/2005/7/25/Article/ID_369